

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ПО БИБЛИОТЕЧНОМУ ДЕЛУ И ИНФОРМАЦИИ

**69-й СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БИБЛИОТЕЧНЫХ АССОЦИАЦИЙ
И ГЕНЕРАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ***

Германия. Берлин. 1-9 августа 2003 г.

Каждый год Международная федерация библиотечных ассоциаций (The International Federation of Librarians Associations and Institutions) собирает своих членов на конференцию. В "ШБ" № 7 были опубликованы переводы доклада президента Федерации Кристины Дешан "Отчет Международной Федерации Библиотечных Ассоциаций за 2003 год" и выступления представителей

Государственного университета «Сан Хосе» (г. Сан Хосе, США) Бланш Вулз (Blanche Wools) и Дэвида В. Лоушера (David V. Loertscher)

"Интернет как друг и враг, как помощник и преграда".

О проблеме вхождения компьютерных технологий в повседневную жизнь ныне много говорят и спорят в мировом сообществе.

Доклад профессора Клауса Ринга, предлагаемый ниже, посвящен этим же проблемам. Писатель Гозтц с 4 февраля 1998 года по 20 января 1999 года публиковал ежедневные тексты об Интернете и создал дневник Интернета. Гозтц назвал его «Наркотик для всех» и определил как «Роман года». Книга, написанная об Интернете и при помощи машинных технологий, все-таки была отпечатана и в типографии.

Автор называет современную печатную книгу книгой «фантазий формы», указывая на то, что она еще долго сохранит свое значение.

Профессор д-р Клаус РИНГ,
финансовый директор «Штифтунг Лезен»
(читательская организация), Германия

Являются ли Интернет и печатные издания равнозначными средствами информации?

Я хотел бы начать мой доклад с описания эксперимента: письменного эксперимента, который стирает границы между старым и новым опытом чтения, между освященными веками писательскими традициями и новым пониманием формы.

«Все это связано со взрывом Интернет, который для меня (...) обозначает быструю сиюми-

нутную деятельность». Этими словами писатель начал письменный проект, который он назвал «Наркотик для всех».

С 4 февраля 1998 года по 20 января 1999 года он публиковал **ежедневные тексты об Интернете**; тексты, которые, в частности, отражали идеал его собственного языка: «ежедневный, доступный, практический». Таким образом, он поэтапно создал **дневник Интернета**, обязанный своей формой не только дан-

* Продолжение. Начало см. в № 7 за 2003 год

ному средству информации, но также гораздо более могущественному указу: **недостатку времени**. Гюэтц обдуманно назвал его «**Романом года**». Он значительно оттеснил границы условной «романной» формы. Так как «**Наркотик для всех**», в сущности, был романом, хотя – сначала – он не появился в книжной форме.

<...>

Но даже если «Наркотик для всех», на первый взгляд, появился, чтобы приблизить **возникновение повествовательной культуры, независимой от печатной книги**, более глубокий взгляд относит данное впечатление к перспективе, так как Гюэтц **возвращается к традиционной издательской форме** романа: «Наркотик для всех» действительно был опубликован в книжной форме – и показал себя как текст, чья структура могла очаровывать читателей и в Интернете, и в печати.

Как пишет автор, оригинальная печатная форма – в Интернете – в большой степени отвечала за поверхностное проявление: «Призрачный способ, с помощью которого клавиши обращаются к читателю, создает что-то вроде **абстрактного «Ты»**, противоположности, чье молчание привлекает меня и руководит мной». Тем не менее, **эта новаторская процедура ... привела Гюэтца к созданию того, что существовало со дня Гутенберга: к печатной книге**.

«Наркотик для всех» является одним из множества писательских экспериментов последних нескольких лет, на границе между старыми и новыми средствами информации, которые подчеркнули и то общее, что имеют книги и компьютеры, и то, что их разделяет. **Самым последним примером является игра «Темпо – самая быстрая книга в мире»**, представленная «Литературхаус Колонь» по случаю Всемирного Дня Книги 23 апреля 2003 года, поддержанная Читательской Организацией: целая книга была написана, исправлена, напечатана, переплетена и отгружена в течение 12 часов, с использованием не только доступности самых быстрых Интернет-соединений, но и традиционных, трудоемких художественных ручных процедур, существовавших (так или иначе) и во времена Гутенберга. В проекте принимали участие сорок авторов. В своем предисловии литературный критик Карл Отто Конради подчеркивает шуточный и иронический аспекты эксперимента, который, естественно, не нацелен на соревнование с новыми средствами информации по скорости, но спроектирован для привле-

чения внимания к очевидно старой и медленной печатной книге. **«В этом красота парадокса: мы должны были работать как можно быстрее, для того чтобы осуществить проект именно в этот день и привлечь внимание к печатной книге; во время «обхватывания» букв глазами, что и есть чтение, ты внутренне успокаиваешься, на тебя снисходит сосредоточенный покой, а это необходимо человеку.**

Оба эксперимента («Наркотик для всех» и «Темпо – самая быстрая книга в мире»), общим объявляют то, что **печатная книга «имеет последнее слово»**. Она находится в конце производственного процесса – творческого и физического – и ее **ценность публикационной формы не оспаривается**. В этом смысле она является частью фантазии формы Гюэтца, которую в своих франкфуртских поэтических чтениях он разместил в начале художественного производственного процесса, как и классический современный писатель Кафка, который в письме издателью Ровольту написал о своей «алчности» «увидеть одну из собственных книг среди ваших сокровищ». Таким образом, не может возникнуть вопросов о равнозначности или неравнозначности средств Интернета и печатной книги в любых творческих писательских экспериментах, которые я упоминал. Замена, которая происходит между формами двух средств информации, служит для подчеркивания особенных, безошибочных черт каждой из них.

Итак, не похоже, что книга «фантазий формы» будет поглощена образом гипертекстового писателя будущего. Она все еще существует как эстетическое средство информации со стороны производителей, даже если, как мы увидим из исторического тура, по которому я вас проведу, оно прошло через великие изменения, и еще будет изменяться.

Но сначала я бы хотел перейти к определенным перспективам, связанным с производством книг, для того чтобы более пристально взглянуть на существующие тенденции и изменения в культуре чтения в целом. Указывают ли читательские привычки на то, что книга «фантазий формы» слабеет, становится менее привлекательной или менее значительной в сравнении с новыми средствами информации?

Многие исследования показали, что конкурентная борьба между новым средством информации Интернет и традиционными средствами образованных классов **не может быть сокращена до тривиального клише «Компьютеры ведут к исчезновению техники культурного**

чтения». Настоящим примером является исследование «Навыки чтения в Германии в новом тысячелетии», начатое Организацией Чтения совместно с Федеральным Министерством Образования и еженедельным информационным журналом «Дер Шпигель». Исследование приводит к заключению, что в секторе пользователей компьютеров «имеется определенная взаимосвязь с частым и интенсивным чтением». Более того, пользователи компьютеров имеют большую тягу к книгам и чтению, возможно из-за своих более высоких стандартов образования, но и также из-за большего любопытства и потенциала. Они читают примерно в пять раз больше художественных книг, чем не пользующиеся компьютером люди. Также имеется заметная разница в их отношении к художественной литературе: 19% пользователей компьютеров утверждают, что они ежедневно или несколько раз в неделю читают художественную литературу, в то время как всего 12% не пользующихся компьютером говорят о том же. Исследование далее показывает: «Значительно больше пользователей компьютеров, чем людей, ими не пользующихся, (70% к 37%) подтверждают, что они купили книги в предыдущем году; в результате они имеют в среднем больше книг, чем не пользующиеся компьютером люди».

Однако эти результаты являются только частичным отражением реального использования средств информации. Нельзя отрицать не только то, что люди читают меньше, но и то, что они читают «по-разному». Немецкие стратегии чтения меняются. За последние пять лет имелся большой рост числа случайных читателей и нечитающих. Люди больше не читают продолжительно – имеется стойкая тенденция к чтению кусков информации; **быстрое чтение захватило власть.** Количество людей, читающих одновременно несколько книг «параллельно», удвоилось за последние 8 лет. **Читатели выбирают отрывки, которые они считают интересными.** Кроме всего прочего, они все меньше и меньше времени хотят посвящать чтению, так как время стало одним из самых ценных товаров и для читателей, и для всех остальных. Много лет назад Жан-Франсуа Летард, французский философ, сказал, что у книги нет будущего, так как она является «квинтэссенцией медленности». Поэтому неудивительно, что количество че-

ловек, ежедневно открывающих книгу, вдвое сократилось по сравнению с 1992 годом (особенно среди молодежи).

<...>

Исследование «Навыки чтения в Германии в новом тысячелетии» отвечает на два вопроса:

1. Сократится ли в будущем время, уделяемое чтению?
2. Заменит ли компьютер книгу?

Интервью, проведенные с читателями и нечитающими, играли центральную роль в разъяснении данного вопроса. Результаты показали, что для большинства людей чтение с экрана монитора обозначает изменение способа чтения текста, не считая технических аспектов. **Качественные интервью показали, что даже молодые пользователи компьютера не любят чтение с экрана.** Это особенно касается чтения художественной литературы. «Романы как электронные книги? Нет, это даже безвкусно. Да, в конечном счете, результат одинаков. Но я бы скучал без перелистывания страниц. Это было бы не удовольствие».

Бывший председатель Ассоциации Немецких Книгоиздателей, издатель Ойген Ульмер, поднял этот вопрос на конференции «Результаты Гутенберга», проведенной в 2000 году Организацией Чтения. «Я едва ли могу представить человека, загружающего 15 файлов неизвестного происхождения в качестве чтения на выходные и берущего их с собой на пляж. Книги, которые мы печатаем, слишком приятны эстетически; пролистывать книгу само по себе приятно».

Мы можем подтвердить, что до нынешнего момента результаты исследования о современном чтении никоим образом не указывают на то, что книга заменяется электронными формами передачи информации, и непохоже, что книга исчезнет.

Какими бы ни были эти две формы передачи информации в технологических принципах и в понятиях восприятия, их пользователи могут разработать значительные формы совмещения, пока они имеют действительные читательские способности и таким образом подготовлены к новым средствам информации. При этом интересно будущее: ни одно из данных средств информации не сможет выжить без другого. Становится ясным, где яйцо и где курица: для того чтобы бороздить информационные магистрали,

вы должны уметь читать – **читать книги**. Способность использовать новое средство информации связана со способностью чтения. Исследование PISA основательно – как ни одно исследование ранее – разъяснило, насколько важным являются и останутся способности к чтению для всех остальных форм обучения, какими бы они ни были. Не существует альтернативы чтению (и пониманию) или обучению чтению в раннем – соответствующем – возрасте. В этом важную роль играют периодические издания!

Однако это не является большим сюрпризом для опытных в истории чтения. Язык и умение читать всегда считались основой понимания и рассудительности. Любой, кто хочет сформировать собственное мнение, должен был читать, чтобы ознакомиться с мнением других людей – **и все еще должен**. Не похоже, что современная революция средств массовой информации каким-либо образом изменит это.

Книга не получает вызова от Интернета, но не нужно быть пророком, чтобы предсказать радикальные изменения средств массовой информации и навыков чтения.

Это означает, что книга «фантазий формы» не потеряет значимости, но непременно подвергнется трансформации: поколение читателей спустя сотни лет будет считать сегодняшние книги странными, так же как современник Гутенберга мог бы считать странными нынешние книги в мягком переплете или – еще более странными – книги, с помощью которых мы пытаемся привлечь детей к чтению – тряпичные книги, книги-раскладушки, книги-игрушки, книги для ванной и даже съедобные книги. Конечно же, размышления о будущем являются всего лишь риторикой. Но не мешает представить, что ждет нас в будущем, так как изменения, происходящие в настоящем, указывают, что **третья революция средств массовой информации будет иметь ту же модель, что и вторая**.

Иоганн Гутенберг несколько лет назад получил титул «Человека Тысячелетия», и данная честь, дарованная ему на высоте Интернет-эйфории, имела важное значение. Современное общество все еще зиждется на изобретении Гутенбергом печати с помощью подвижных символов. Оно самим своим существованием обязано данному изобретению, так как современное общество знаний зародилось именно тогда,

когда печатный завод Гутенберга начал свое производство. И этот процесс продолжается сегодня, заново определяя контуры общества и создавая предпосылки для инноваций и новых изобретений. Развитие «общества знаний» является на удивление длительным процессом, несмотря на все впечатляющие технические и социальные изменения.

Революция средств информации, высвобожденная 600 лет назад изобретением Гутенберга, быстро распространилась на все сферы повседневной жизни. Именно в то время люди впервые начали говорить о создании «знающего общества», которое объединит все человечество. Таким образом, общество знаний, на котором основан сегодняшний прогресс и которое сегодня столкнулось с дальнейшим скачком вперед, возникло во времена Гутенберга. Оно имело двойное основание: издатели и типографы, с одной стороны, авторы и читатели – с другой. Оба основания произвели более великие изменения в мире, чем какой бы то ни было другой фактор, включая войны.

Изобретение Гутенберга сделало возможными культурные, политические и экономические изменения. Возникли современные средние слои общества. Традиционное иерархическое общество постепенно рассеялось; на его месте развились новые структуры среднего класса, помещавшие в центре, с одной стороны, «экономических граждан» – торговцев, ремесленников, предпринимателей – и, с другой стороны, ученых и образованных служащих. Возникли новые формы повседневной жизни, принося с собой не только интеллектуальную и материальную свободу, но и ценные «товары», а именно – свободное время.

Все эти факторы повторялись и усиливались по мере становления информационного общества и его самого важного средства информации – Интернета, посредством которого общество сейчас определяется международными, или «глобальными», но больше не политическими линиями. Однако современные явления не новы, они только являются повторением того, сквозь что прошли наши предки.

Резкие изменения того времени имели особую важность для получения образования и, кроме всего прочего, умения читать. Низкие стандарты образования и недостаток финансо-

вых ресурсов указывает на то, что было очень мало читателей книг. Это изменилось – книги, и, более того, их содержание – стали более доступными. **Для того чтобы привлечь внимание к книге, очень часто «ударение ставили» на ее пестроту; содержание сокращалось до малоощутимого минимума.**

Впервые появились памфлеты, вместе с газетами, которые быстро стали двигателями политической пропаганды. Очень скоро стало ясно, что новые методы могут быть использованы для **передачи не только информации, но и дезинформации.** В соответствии с современными отчетами, памфлеты уже тогда активно использовались для брани оппозиции, а не для представления собственно истории, как однажды писал литературный критик Фюссель из города Майнца.

Производство книг и их читательский круг сначала росли медленнее, чем производство газет и круг читателей газет. В течение долгого времени читателями книг были в основном ученые и духовенство. Но возник рост нехудожественных и тематических книг вместе с практическими руководствами для всех возможных сфер повседневной жизни. Спектр тем был просто огромен.

Первые крупные библиотеки были основаны для вмещения растущего числа книг, и они, в свою очередь, становились доступными для публики. Многие из них все еще имеют великие названия прошлого и являются достопримечательностями городов, за их содержание ответственными являются различные учреждения.

Профессионализация «нового средства информации» и сопутствовавшие ему социальные изменения не только привели к улучшению условий, являющихся предпосылками к образованию, приведших к увеличению числа читателей. Изменения – это я хочу особенно подчеркнуть – кроме всего прочего повлияли на менталитет читателей и на их способ чтения книг, что стало характерной чертой эры современности, как подчеркнул Питер Берк в своей книге о раннем современном периоде.

До настоящего времени люди росли внутри жесткой структуры, которая внушала благоговение к письменному слову и книгам в целом. Некоторые люди так сильно уважали книги, что не осмеливались брать их домой (руководство теологических и юридических библиотек любого

нашего университета с готовностью подтвердит, что ситуация уже отличается от прежней). Многие тексты провозглашали власть Церкви и, похоже, обладали вечной ценностью. Чтение этих книг являлось ритуалом, придающим чувство безопасности и оставшимся неизменным в течение столетий.

Сейчас все это начало быстро меняться.

Революция средств информации принесла радикальные изменения и подготовила почву для новой формы общества знаний. Это было новое средство, которое сделало возможными новые формы мышления и действия. Средство больше не было лишь способом передачи знаний, как раньше, а само по себе стало неотъемлемой частью процесса учения, само по себе стало идеей.

Эти качественные и количественные изменения не всегда виделись в положительном свете. Такая личность, как Конрад Геснер, биограф и автор монументальной *Bibliographia universalis* (Универсальной Библиографии) от 1545 года, в которой было зафиксировано 10 000 книг 3 000 авторов, сетовал на «сбивающее с толку и вредное распространение книг». Его итальянский коллега жаловался, что «возникло так много книг, что мы едва успеваем прочесть их названия». Сообщается, что известный английский писатель спросил своего коллегу в изумлении: «Вы же не читаете книги полностью?». **К концу 17 века состояние было таковым, что могло быть точно описано одной фразой: тогда <в Европе> появилось выражение «книжный потоп».**

Как следствие, люди начали перенимать другое отношение к чтению, отодвигаясь от идеи интенсивного, благоговейного чтения к свободному отношению к тексту. **Традиционный «читатель» видоизменился в «пользователя».**

По мере того как объем зарегистрированных знаний рос, увеличивалось число попыток доступа к нему в как можно более короткое время. Это привело к созданию первых «баз данных», наборов ссылок, которые можно использовать без глубокого погружения в длинные научные трактаты. Это, в свою очередь, повлекло дальнейшие изменения способа, с которым люди обращались и постигали тексты. Были выдвинуты новые требования к представляемому содержанию и форме (сегодня мы можем называть это схемой).

В результате возникли долгие, напряженные и иногда ожесточенные дискуссии по поводу соответствующих методов и их ограничений. Как можно наиболее эффективно построить наборы ссылок? Как можно сохранить обширные знания вопреки их фрагментации? Как можно структурировать знания таким образом, чтобы они могли развиваться далее и иметь постоянную ценность?

Современные попытки контролировать пополнение повседневных знаний информацией из электронных источников являются другим способом рассмотрения тех же вопросов. Действительно, за последние несколько сотен лет мы накопили огромный опыт. Человеческий мозг быстро обучается – если только у него появляется возможность!

Выражением растущей интеллектуальной эмансипации читателей стали новые типы энциклопедий, появившиеся в это время. Они уже не опирались на монолитные тексты прошлого, которые акцентировали внимание на философских системах и вере, а не на фактах. **Чем больше люди читали, тем более скептически мыслящими становились; они уже не были готовы верить всему, что прочли.**

Этот скептицизм развился от открытия, что определенная часть опубликованных «фактов» сфабрикована. Даже такие авторитеты, как Монтескье, критикуются так: «Когда он (Монтескье) хочет подтвердить одно из своих эксцентрических мнений, он цитирует какой-либо обычай Японии или другой отдаленной страны, о которой он ничего не знает», – обвиняет своего французского коллегу известный современный писатель Джонсон.

По мере того как росли подобного рода сомнения, литература потеряла доверие. В результате люди начали интересоваться исходными источниками материалов, и для серьезной литературы стандартом стало цитирование использованных источников. Читатели должны иметь возможность проверить достоверность; они больше не хотели зависеть от кого-либо в своих суждениях. Таким образом, появилась новая предпосылка развития современного информационного общества.

Дидро, создатель известной Энциклопедии, провозгласившей новую эру представления информации, однажды сформулировал цель своего великого труда так:

«Изменить способ мышления людей». Это была ясная цель, и он ее достиг. Энциклопедия внесла вклад в генезис интеллектуальных трансформаций, за чем, как всем известно, последовала политическая революция. Наступил рассвет эпохи эмансипации и процесс, ведущий к открытому информационному обществу, стал необратимым.

Если мы поближе взглянем на проблемы, возникшие в начале этого процесса, проблемы, которые повлияли на его направление и усиление, мы легко можем определить основные вопросы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, во время наступления **третьей революции средств информации. Я уверен, что беспрепятственные изменения, происходящие в сфере средств информации и в наших формах коммуникации и информационного поведения, не только не приведут к сокращению важности печатных средств информации, но совсем наоборот.**

Мы не можем интерпретировать путь, который проделан со времен Гутенберга, исключительно в «технологических» терминах, то есть как изменяемые и адаптируемые.

Я пытался продемонстрировать, как печать повлияла на наш менталитет, интеллектуальный рост и поведение, создание культуры познания, знания и способностей.

Ни одно другое средство информации не было подвержено таким впечатляющим изменениям в процессе последних столетий, как печать: в форме и внешнем виде, в представлении содержания, в функциональности и не в последнюю очередь в своем воздействии на общество. **Технология печати на бумаге была поэтапно модернизирована в течение более 500 лет, и нет причин полагать сегодня, что ее потенциал к дальнейшему развитию исчерпан. Книга будет продолжать иметь свое уникальное и важное положение в смешении средств информации и среди экранных средств информации.**

Новые средства информации также будут продолжать совершенствоваться; на этот процесс будут влиять не только практические вопросы формы и распространения информации, но и пользователи этой информации. Главный же «след» уже выжжен печатным словом.

Перевод сделан по заказу «ШБ» фирмой «Вавилон»

